

УДК 101.1:316

Сафонов Андрей Леонидович

кандидат технических наук, проректор
по международным отношениям Московского
Государственного индустриального университета,
доцент кафедры истории и социологии
editor@hist-edu.ru

Safonov Andrey Leonidovich

PhD in Technical Sciences, Associate Professor of
the Department of History and Sociology,
Vice-Rector for International Relations of
Moscow State Industrial University
editor@hist-edu.ru

ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Обоснована гипотеза, что нация и этнос – различные по генезу и механизмам функционирования социальные группы, в которых индивид участвует одновременно. Феномен одновременного участия в социальных группах с различными социальными статусами и ролями раскрывает механизмы реактуализации этничности, как одного из ключевых дивергентных процессов глобализации.

Ключевые слова: глобализация, этнос, нация, социальная группа, идентичность, дивергенция.

POSTGLOBALIZATION: ETHNOPOLITICAL ASPECTS

The hypothesis that a nation and ethnic group are different in the genesis and the mechanism of social groups functioning in which the individual participates simultaneously has been substantiated. The phenomenon of simultaneous participation in social groups with different social statuses and roles reveals the reactuation mechanisms of ethnicity as one of the key divergent processes of globalization.

Key words: globalization, ethnos, nation, social group, identity, divergence.

Если понимать под глобализацией становление глобального рынка и его институтов, то глобализация, как процесс перехода к единой мировой экономике без национальных границ, де факто была завершена еще на рубеже веков.

«Единый мир» (One World), как глобальная экономическая, информационная и социальная среда уже существует, и мировое развитие будет определяться качественно новыми трендами. Таким образом, уже в настоящее время есть основания говорить о переходе к новому, постглобализационному, этапу мирового развития, постглобализации.

Для современного, уже, по сути, «постглобализационного», этапа развития уже единой мировой системы, в значительной степени исчерпавшей потенциал конвергентных процессов и конвергентного развития, характерно преобладание процессов дивергенции и дифференциации, связанных с распадом, фрагментацией и дифференциацией локальных социумов. Вынужденная адаптация социальных групп и структур к новому, безбарьерному и прозрачному, но именно поэтому более конкурентному и нестабильному миру, вынуждает их усиливать собственные барьерные и защитные функции.

Таким образом, ведущим трендом современного, завершающего становления глобального экономического и социального пространства становятся социальные процессы и тенденции дивергентного характера, включая тенденции к непространственному изоляционизму отдельных социальных групп, росту межгрупповых барьеров, перекрытию всех видов социальных лифтов, усилению социальной дифференциации и стратификации.

Транснациональная и транскультурная конвергенция и интеграция, еще недавно считавшиеся ведущим социокультурным процессом глобализации, на практике все более ограничиваются потребительским коммуникативным минимумом и бытовыми потребительскими стандартами, достаточными для существования индивида и локальной группы в глобальной рыночной среде.

И если для предшествующих этапов дифференциация – культурно-цивилизационная, этническая, политическая, носила в значительной степени пространственный характер, то в эпоху глобализации и постглобализации преобладает социальная дифференциация непространственного порядка.

Разрушая границы и барьеры, глобализация активизирует не столько смешение и интеграцию, сколько дивергентные процессы структурообразования и социогенеза, порожденные выходом финансовых и ресурсных потоков из ведения национального государства, обесцениванием связанной с ним системы социальных статусов и ролей.

Вместе с тем, транснациональные корпоративные структуры, изъав из ведения государств ресурсы, по своей природе неспособны обеспечить полного цикла воспроизводства социума, необходимого для его устойчивого развития. Таким образом, системная десоциализация объективно связана с распадом и изъятием ресурсов из сферы социального воспроизводства, исторически привязанной к институтам государства.

Деактуализация гражданских наций и институтов гражданского общества ведет к реактуализации альтернативных гражданской нации социальных групп и идентичностей, в первую очередь – этнических и религиозных групп, еще недавно считавшихся рудиментами доиндустриальной эпохи.

Актуализация этнических и религиозных групп и соответствующих форм групповой идентичности и массового сознания приобрела такие масштабы и значимость, что должна рассматриваться как ведущий тренд глобализации, присущий ей атрибутивно.

В европейской научной традиции Нового Времени исторический процесс развития мыслится как поэтапное слияние низших, эволюционно более ранних общностей с образованием новых, более широких, и отмиранием, деактуализацией, предшествующих. В частности, гражданская нация рассматривалась как трансформированный в ходе социального прогресса этнос, а существующие этносы – как реликты или пережитки догосударственных и раннегосударственных стадий развития, не сумевшие развиться в государства и сохраняемые вместе с остатками докапиталистического уклада.

Такая модель поэтапного перехода к высшей стадии общественного развития через слияние частей в качественно новое однородное целое приводила к выводу, что на следующей, глобальной, стадии развития экономики с неизбежностью произойдет следующий этап унификации – слияние и, как следствие, «отмирание» базовых институтов предшествующей индустриальной эпохи – национального государства и наций, результатом чего будет возникновение глобального общества.

Очевидным недостатком модели развития через слияние более ранних общностей было игнорирование устойчивой этнокультурной мозаичности мира, включая Европу, как лидера индустриального и постиндустриального развития: этнокультурная унификация всегда была существенной, но далеко не абсолютной тенденцией исторического развития.

Характерно, что сама идея необратимой трансформации этносов в нации демонстрирует явные признаки нормативного подхода, не столько описывая, сколько предписывая генеральное направление социального развития индустриальной эпохи – вовлечение социальной (аграрные общины и регионы) и этнической периферии в экономическую социальную и культурную жизнь национального государства.

При этом, часто забывается, что характерная для индустриализма деактуализация этничности в XIX–XX вв. была не только и не столько результатом, сколько политическим инструментом формирования гражданских наций. Таким образом, характерная для Нового Времени деактуализация этничности и религиозности отнюдь не доказывает, что механизм формирования наций можно свести исключительно к образованию национального рынка, объединяющего этнические территории, и конструированию политической вертикали «сверху».

Характерный для европейской социальной теории экономический детерминизм трактует глобализацию как непреодолимый, необратимый и безальтернативный процесс глобальной конвергенции. Считается, что растворение границ, размывание и атомизация национальных элит, монетизация всех неэкономических аспектов жизни уже в ближайшем будущем не оставляет места для сколько-нибудь сложных и стабильных локальных общностей. Таким образом, провозглашается не только «конец истории» (Фукуяма), но, по сути, и «конец социальных структур», «конец традиции» и как следствие – конец всей «цветущей сложности», как атрибута социальной формы развития материи.

В итоге перспектива поэтапной конвергенции и социокультурной унификации локальных общностей вплоть до образования глобального сверхобщества с единой «общечеловеческой» идентичностью считается единственно возможной не только творцами и теоретиками западной модели глобализации с характерным для нее экономическим редукционизмом, но и ее критиками.

Между тем, реальная глобализация с характерным для нее кризисом национального государства и национально-гражданской идентичности не только не ускорила «отмирание» этноса, но привела к совершенно неожиданному для теоретиков глобальному всплеску этничности и религиозности, их трансформации в новые виды социальных практик, устойчивой тенденции к росту многополярности и многосубъектности мирового развития [1].

Таким образом, вопреки ожиданиям конца XX в., одним из ключевых вызовов эпохи глобализации стала трансформация и реактуализация этничности в качественно новых условиях распада национальных государств и формирования единой системы мира.

«Конец истории» оказался не более чем концом эпохи глобализации, концом формирования единого мира, сменой ведущих закономерностей развития.

К основным теоретическим направлениям, объясняющим возникновение и развитие струк-

турных объединений людей, таких как народности, этносы и нации, относятся примордиализм и конструктивизм. Примордиализм [2] рассматривает этносы и нации как непрерывно и преемственно возникающие и эволюционирующие социально-исторические организмы. Конструктивизм, рассматривающий этнос и нацию как в основном искусственный политический и идеологический конструкт, создаваемый и трансформируемый элитами в ходе государственного строительства и политической борьбы [3].

Несколько особняком стоит близкая к примордиализму теория этноса Гумилева с характерным для нее экологическим детерминизмом, рассматривающая этнос как устойчивый социобиологический субъект, проходящий сквозь социально-экономические формации [4].

К разновидности примордиализма следует отнести цивилизационный подход, фиксирующий и акцентирующий, но не объясняющий устойчивое сохранение этнокультурных особенностей при смене экономических формаций и политических институтов.

Своеобразным «нулевым», тривиальным вариантом теории генеза этноса и нации является неолиберальная доктрина, считающая этническое и национальное второстепенными и преходящими локальными особенностями, исчезающими по мере формирования глобальных рынков и глобальных элит и не влияющими на объективно predetermined результат мирового развития.

Отечественная теория этноса, основанная на стадийном (формационном) подходе, рассматривает национальное, как позднюю историческую стадию развития этнического. Соответственно, этнос рассматривается как потенциальная нация, находящаяся на раннегосударственной стадии развития, не успевшая или не сумевшая развиться, а нация – как бывший государствообразующий этнос, трансформированный и адаптированный в ходе становления более развитой общественно-экономической формации. Культурная преемственность обеспечивается через механизм трансформации этноса в гражданскую нацию, в ходе которой этнос отмирает, оставляя историческую память, интегрированную в национальную культуру [5].

Формирование наций рассматривается как генетическое продолжение исторической эволюции первичного этноса в условиях сначала феодального, а в дальнейшем – буржуазного национального государства, в результате чего этнос «отмирает», постепенно перерождаясь в нацию, генетически связанную не с патриархальными, но с государственными социальными институтами.

Соответственно, этническая идентичность рассматриваются либо как «пережиток» патриархальности, культурный атавизм, закрепившийся в культурной «надстройке», либо как «недоразвитое» национально-государственное сознание культур-аутсайдеров. На этом убеждении, в частности, строилась концепция «национального строительства» в СССР на основе догосударственных этносов, а также концепция «национального освобождения» бывших колоний, до колонизации находившихся на раннегосударственной стадии развития.

Таким образом, основанная на экономическом детерминизме логика примордиально-стадийного подхода предполагает не только отмирание этноса по мере превращения в нацию, но и отмирание нации по мере становления глобального рынка и глобального информационного пространства. Из тенденции экономической глобализации делается вывод о неизбежности глобальной и тотальной этнокультурной конвергенции. Тезис об отмирании этноса и нации характерен и для отечественного конструктивизма [6].

Однако общественная практика последних двух десятилетий предметно доказала, что упрощенная логика привязки этнического и национального сознания к экономическому строю не согласуется с тем, что, по мере развития экономической глобализации, «пережитки» и «атавизмы» раннебуржуазной, феодальной и даже догосударственной эпох оказывают все большее влияние на массовое сознание и мировое развитие.

Убеждение в экономически и технологически (информатизация) predetermined «отмирании» этнической и национальной идентичности с формированием глобально усредненного, хотя и стратифицированного мирового социума характерно не только для последовательных глобалистов и неолибералов (в варианте Ж. Аттали – «бедные кочевники» и «богатые кочевники»), но и для их оппонентов левомарксистского толка – антиглобалистов и альтерглобалистов, предлагающих альтернативу неолиберальной социальной модели, но исключительно в рамках неизбежной, по их мнению, однополярной глобальной «Империи», тотальной власти которой не ограничена пространственными, социальными и даже временными рамками.

При этом идея «конца истории», как результата создания вечной и всеобъемлющей «Империи» под эгидой США выражена бывшим идеологом «Красных бригад» гораздо категоричнее, чем у самих творцов и идеологов американского глобализма, начиная с Ф. Фукуямы:

«...Эта имперская идея продолжала существовать и развиваться на всем протяжении исто-

рии становления Соединенных Штатов и теперь в полностью завершенном виде проявилась в мировом масштабе....

Идея Империи определяется прежде всего отсутствием границ: ее владычество не знает пределов.

Первое и самое главное в концепции Империи – это утверждение системы пространственной всеобщности, то есть по сути, власти над всем «цивилизованным» миром. Никакие территориальные границы не ставят пределов этой власти.

Второе, – сама идея Империи предстает не как способ правления, исторически восходящий к завоеванию, но скорее как порядок, который на деле исключает ход истории и таким образом навсегда закрепляет существующее положение вещей. С точки зрения Империи, нынешнее положение вещей будет существовать всегда и ему всегда было предназначено быть таким. Иначе говоря, Империя представляет свое владычество не как преходящий момент в движении истории, а как способ правления вне каких бы то ни было временных рамок и в этом смысле – вне истории либо как конец истории.

Третье, – владычество Империи распространяется на все уровни социального порядка, достигая самых глубин социального мира. Империя не только управляет территориями и населением, она создает тот мир, в котором живет. ...Объектом ее контроля является общественная жизнь в ее целостности, и таким образом Империя представляет собой совершенную форму биовласти.

Наконец, – хотя на практике Империя всегда залита кровью, – ее идея неизменно обращена к миру, вечному и всеобщему миру за пределами истории» [7].

Таким образом, в части оценки перспектив глобализации и ее предопределенности европейские левые оказываются «святое Папы», поскольку сегодняшние творцы американской политики оценивают степень американского господства гораздо реалистичнее, говоря не более чем о «моменте однополярности» в начале 1990-х гг. и «эпохе бесполярности» в настоящем и будущем [8].

Между тем, оказалось, что по мере углубления глобализации и кризиса национальных государств этническая принадлежность не сглаживается, не ассимилируется и не интегрируется в глобальную мультикультурную среду. Напротив, на фоне кризиса институтов национального государства все формы этнизма переживают период небывалого подъема и активно востребуются еще вчера пассивными, деидеологизированными и атомизированными массами.

В конечном счете, предсказать или хотя бы объяснить постфактум возвращение этносов на историческую арену вопреки глобализации рынков экономический детерминизм не сумел.

Явная и повсеместная реактуализация этноса позволяет сделать вывод, что этническая и национальная (национально-государственная) идентичность, этнос и политическая нация – тесно связанные, но не тождественные социальные явления, связанные с различными социальными группами и социальными ролями.

Этнос и нация развиваются параллельно, но достаточно независимо и друг от друга, и от экономической сферы, составляющей для них внешнюю среду, безусловно влияющую, но не определяющую ход развития.

Иначе говоря, для современного этноса экономическая среда, определяющая физическое потребление и условия жизни – такая же внешняя среда, какой является природная экосистема (ландшафт) для ранних этносов.

Вторая ключевая проблема социальной философии – вопрос о современном бытии крупных государствообразующих этносов, как массовых социальных групп, составляющих достаточно независимую от политической и идеологической оболочки основу социума.

Своеобразным ответом на вызовы глобальной этнизации и ограниченность экономического детерминизма стал конструктивистский подход. Все более интенсивная политическая эксплуатация этничности создает ложное впечатление, что современная этническая идентичность – не более чем навязанный локальными элитами искусственный идеологический конструкт, продукт современных политических манипуляций, не имеющий глубоких исторических и социальных корней в связи с отсутствием, «отмиранием» самого этноса как живой и активной социальной общности.

Особенность конструктивистского подхода в теории этноса – политический редукционизм, в основе которого лежит убеждение в том, что исходные этносы, особенно государствообразующие этносы индустриальных стран, исчезли вместе с исчезновением традиционной сельской общины, и давно переродились в политические нации. Соответственно, современный, «возрожденный», этнос объявляется виртуальной реальностью, иллюзией массового сознания, порожденной социально-политическим проектированием со стороны национально-государственных или локальных элит.

Таким образом, конструктивизм, окрепший на волне успехов социальной инженерии и полит-

технологий, объясняет «ренессанс этничности» политическими манипуляциями элит, игнорируя очевидный факт избирательности действия этнической пропаганды, прямо указывающей на объективное существование соответствующих социальных общностей, изначально обладающих выраженным этническим самосознанием.

Вопреки утверждениям конструктивистов о возможности «конструирования» современного этноса по аналогии с гражданской нацией, достоверно установленных случаев «конструирования» совершенно новых этносов конструктивисты не приводят. Обычно «конструирование» этносов на поверку оказывается политизацией или актуализацией уже существующих этнических групп, либо трансформацией этнических элит. Таким образом, применительно к этносам, политическое конструирование позволяет влиять на трансформации уже существующего этноса, но не создавать его произвольно, как политические и корпоративные социальные группы.

Тем не менее, конструктивизм верно отражает существенные особенности современных этносов – возросшую пластичность этнического сознания, его зависимость от политических и социальных институтов современного общества, но ограничивается внешней стороной этнических процессов, причем исключительно в мере, необходимой для манипулирования целевыми группами.

Таким образом, для построения адекватной теории современного этноса необходимо четкое разграничение сфер этнического и национального, основанное не на внешних атрибутах, а на сущностных особенностях этноса и нации, как социальных групп. В частности, ранее были предложены следующие тезисы [9]:

- Этнос и нация – не сменяющие друг друга стадии развития, но параллельные и часто конкурирующие сферы социального бытия: доминирование этнической идентичности оттесняет на второй план национально-государственную (национально-политическую), и наоборот, причем индивид входит как в нацию, так и в этнос. Этносы сохраняются, несмотря на глобализацию, и сохраняют культурно-историческую преемственность при смене общественных формаций, охватывая большинство населения. Государствообразующие этносы продолжают латентное (скрытое) функционирование, обратимо уходя в тень наций, и вновь проявляются при кризисе институтов национального государства – локальном или глобальном.

- Этнос и нация – качественно различные социальные группы, связанные с различными социальными позициями (социальными ролями), имеющие разный генезис и динамику развития.

- Различие феноменов этноса и нации заключается не во внешних атрибутах, а в механизме воспроизводства и функционирования этноса и нации, как социальных групп. Механизм воспроизводства этноса – трансляция этничности через образ (способ) жизни и «структуры повседневности».

- Механизм воспроизводства нации – взаимодействие индивида с институтами государства и гражданского общества, формирующее нацию, как общность, осознающую себя через наличие общих (национальных) интересов, опосредованных национальным государством.

Проблема соотношения этноса и нации актуальна не столько для объяснения прошлого постфактум, сколько для анализа повсеместно нарастающего кризиса этнонациональных отношений, как одной из ведущих угроз глобального «мультикризиса» [10].

Вне поля зрения теории остаются механизмы и движущие силы этнизации и ее связь с кризисом национальных государств и национальной идентичности. В частности, на фоне всплеска этничности меньшинств и диаспор не осознавался рост проявлений этничности крупных государствообразующих этносов.

В качестве объективной движущей силы конкуренции и коэволюции этноса и нации следует рассматривать динамику их сравнительной социальной привлекательности и востребованности, то есть способности данных социальных групп инкорпорировать новых членов, удовлетворяя их существенные социальные потребности и интересы [11].

Предпосылкой кризиса современных наций стало резкое сужение социальных функций государства, связанное с экономической глобализацией и размыванием «среднего класса», как массовой социальной базы нации. В достаточно короткий период государство утратило или резко сократило целый ряд жизненно важных для граждан функций и социальных гарантий.

Характерный для неолиберальной социальной политики «отказ от государственного патернализма», ставящий членов гражданского общества в ситуацию перманентной социальной нестабильности и тотальной взаимной конкуренции, оборачивается вынужденным отказом от лояльности государству и от потерявшей смысл гражданской солидарности, что создает предпосылки для фрагментации нации и актуализации альтернативных социальных групп. Это приводит к обесцениванию, деактуализации нации, как интегрирующей социальной общности, сбалансировано обеспечивающей индивидуальные и групповые интересы своих членов.

Практика глобализации, и, в частности, этнополитические процессы в постсоветских государствах, показывает, что при распаде или ослаблении политической общности индивид «выбирает» свой этнос – «параллельную» нации социальную общность, в которой де факто существует с рождения и с которой связывает будущее своих потомков независимо от трансформаций социальной среды. Соответственно, выбор религии определяется прежде всего этнической принадлежностью. По сути, ситуация выбора этнической идентичности возникает только у детей от межэтнических браков.

Иначе говоря, глобализация, ослабляя формирующие нацию и национальное сознание гражданские и политические институты, ведет к замещению их институтами традиционного общества и обычным правом, то есть к распаду политических наций на этносы, которые все больше децентрализуются, выходят за пределы этнических территорий и приобретают форму глобальных этносов, глобальных диаспор, все чаще конкурирующих с государствами и транснациональными корпорациями не только за ресурсы, но и за политический контроль.

Противоречие глобализации заключается в том, что этнос, включая его современные формы, адаптированные к глобальной социально-экономической среде, не может служить социальной основой для современной глобальной экономики и ее технологической инфраструктуры, обеспечивающей сравнительно устойчивое и мирное сосуществование 6 млрд людей, принадлежащих к разным этносам.

Выйдя из тени гражданского общества, современный постиндустриальный этнос остается продуктом достаточно архаичной самоорганизации на основе родственных и клановых связей и донаучных форм общественного сознания и ориентирован на присваивающие формы хозяйства и жесткую межэтническую конкуренцию, как единственный способ расширения ресурсной базы этноса.

На практике это означает, что в условиях глобализации политической и экономической формой существования современных этносов и этнических диаспор часто становятся транснациональные этнокриминальные сообщества, основой которых становится не столько легальная, сколько криминальная экономика.

Таким образом, в характерных для современности условиях кризиса государственных институтов неконтролируемая этнизация часто становится одной из форм системного социального регресса, массовой десоциализации, маргинализации и криминализации населения и часто – катализатором необратимого распада гражданских наций.

При этом современные этносы, возвращаясь на историческую арену в качестве политических субъектов, акторов мирового процесса, всегда сохраняют прямую генетическую преемственность по отношению к более ранним формам бытия, характерным для доиндустриального, традиционного общества.

Характерно, что большинство институтов национального государства, определяющих социальную позицию индивида, нечувствительны к этнической принадлежности. Провозглашая равноправие граждан независимо от альтернативной групповой принадлежности, национальное государство целенаправленно деактуализирует все параллельные властные и социальные институты, включая не только религию и сословность, но и этническую принадлежность. Деактуализация этничности была и остается одним из базовых инструментов формирования гражданских наций и других политических общностей.

Между тем, далекие от философских обобщений полевые социологические исследования, включая переписи, уверенно фиксируют наличие у подавляющего большинства населения, включая население мегаполисов, отчетливой и устойчивой этнической идентичности, отличной от национально-государственной [12].

В конечном счете, в ходе политического строительства этнос не «отмирает» и не трансформируется в нацию, а обратимо вытесняется из сферы политических и производственных отношений в сферу частной и семейной жизни. Однако такое отделение, «маскируя» этнос, придает ему гораздо большую стабильность и независимость от социальных кризисов и трансформаций экономического и социального порядка.

Очевидно, суть феномена этничности и его независимости от государственно-гражданской сферы – не столько во внешних атрибутах, сколько в механизме воспроизводства этничности – непосредственной социальной наследственности, не опосредованной внешними социально-политическими институтами и включающей в себя трансляцию этнической идентичности и характерных для этноса образа жизни, ценностей и моделей социального поведения через механизмы длительного, повседневного повторяющегося взаимодействия, подражания и социально-ролевого поведения в ближайшем, как правило, родственном и соседском социальном окружении. На соци-

альную основу современной этничности, принципиально отличную от политических институтов гражданского общества, обратила внимание школа Фернана Броделя, который ввел понятие «структур повседневности», хотя последовательно стоял на позициях экономического детерминизма.

Этничность воспроизводится через длительное погружение личности в образ жизни и «структуры повседневности» этноса, более того, именно в «структурах повседневности» и семьи и ближайшего социального окружения идет само становление личности с первых месяцев жизни, в том числе – формирование структур и функций головного мозга, импринтинг идентичности и повседневческих стереотипов.

Соответственно, внешние атрибуты этноса – этническая территория, язык, религия, культура, оказываются лишь производными от основы этничности – непосредственной межпоколенной социальной наследственности, основанной на длительном и тесном социальном взаимодействии в рамках «структур повседневности» и образа жизни.

Из природы этничности, основанной на образе жизни, массовых и повседневных горизонтальных социальных взаимодействиях, вытекают характерные для этноса, как типа социальной группы, свойства – высокая инерционность, эволюционный, непрерывный и преемственный характер изменения, сохраняющий не только символическую, но и прямую преемственность современных этносов по отношению к исходным, примордиальным, этносам далекого исторического прошлого.

Образуя видимую целостность (единство языка, территории, культуры...) государствообразующий этнос и соответствующая ему политическая нация сохраняют свою разнокачественность и самостоятельность, развиваясь с разной динамикой и инерционностью. Из разнокачественности и конкурентности сфер этнического и национального вытекает и наблюдаемая сегодня глобальная этнизация обществ, как объективное следствие кризиса гражданских наций и разрушения социальных институтов.

Одним практических доказательств параллельного существования нации и этноса, как самостоятельных социальных групп, является широкая распространенность полиэтнических наций и полинациональных этносов: границы этноса могут включать более одной гражданской нации, границы нации обычно шире отдельного этноса.

С точки зрения социологии, различие этноса и нации, как пересекающихся, но не тождественных социальных групп – несовпадение связанных с ними социальных статусов и ролей, что известно в социологии как «феномен одновременного участия» [13].

Так, примером феномена одновременного участия индивида в нации и в этносе, как двух самостоятельных и различных по социальной природе социальных группах, является распространенность многонациональных этносов, то есть этносов, составляющих существенную долю населения более чем одного государства. В целом, этносы, разделенные между несколькими государствами и входящие в состав соответствующих наций – распространенное в мире явление [14].

Таким образом, в условиях глобализации и даже постглобализации, то есть уже сформированной глобальной экономической и социальной среды, этносы не только выходят из тени гражданских наций, но закономерно приобретают форму глобальных политических акторов, участвующих в мировых процессах наряду с государствами и корпорациями, зачастую – через глобальную теневую экономику. Одной из значимых форм реактуализации этносов становится этнический и религиозный фундаментализм.

В то же время, современные этносы, тяготеющие к сфере распределения и присваивающим формам хозяйствования, как и корпоративные структуры, не обеспечивают полноценного воспроизводства современных производительных сил и социальных институтов, необходимых для устойчивого развития экономики и базовой социальной инфраструктуры. Снижая значимость нации и связанных с ней социальных ролей и статусов, этнос не способен ее адекватно заменить.

Предлагаемая модель одновременного участия индивида в нации и этносе, как несовпадающих социальных группах, позволяет четко определить и разграничить понятия этноса и нации, уточнить области применимости известных социологических концепций, а также объяснить парадоксальный характер и движущие силы современного этногенеза в эпоху глобализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Глобализация и проблема предзаданности мирового развития // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 14. Философия, социология, политология, культурология. Улан-Удэ, 2011.
2. Бромлей Ю.В. К вопросу о сущности этноса // Природа. 1970. № 2.

3. *Тишков В.А.* Забыть о нации. (Пост-националистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9.
4. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1.
5. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. 3-е изд., испр. М., 2009.
6. *Тишков В.А.* Этнос или этничность? // Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001.
7. *Хардт М., Негри А.* Империя / пер. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М., 2004.
8. *Сафонов А.Л., Орлов А.Д.* Глобализация и проблема предзаданности мирового развития // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 14. Философия, социология, политология, культурология. Улан-Удэ, 2011.
9. *Сафонов А.Л., Орлов А.Д.* Этнос и нация как субъекты глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 4.
10. *Сафонов А.Л., Орлов А.Д.* Глобализация: кризис мировой системы как система кризисов // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 2.
11. *Сафонов А.Л., Орлов А.Д.* Глобализация как дивергенция: кризис нации и «ренессанс» этноса // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 6 Философия, социология, политология, культурология. Улан-Удэ, 2011.
12. *Старовойтова Г.В.* Этническая группа в современном городе. Л., 1987.
13. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. М., 2005.
14. *Балашов Ю.А.* Разделенные народы в мировых политических процессах: история и современность. Н. Новгород, 2008.